

«Теперь хоть и помереть...»

«Вишневый сад» во МХАТе имени Чехова

Независимая 2004 - 8 июня с. 8.

Вера Максимова

Третьей по счету за последнее время чеховской премьере в Москве – «Вишневому саду» режиссера Адольфа Шапиро во МХАТе им А.П. Чехова предшествовали слухи. Табачков-де собирается снимать спектакль, как только вернется из Америки... Эпатажная Рената Литвинова, которая с телеэкрана «лепит» все, что захочет, а по ночам еще и учит нас, бедных, стилю в одежде, – в роли Любови Андреевны Раневской невозможно... Как это Олег Павлович позволил, а культурный режиссер Шапиро посмел пригласить амбициозную дилетантку!.. Перечисляли знаменитостей, в возмущении покинувших спектакль.

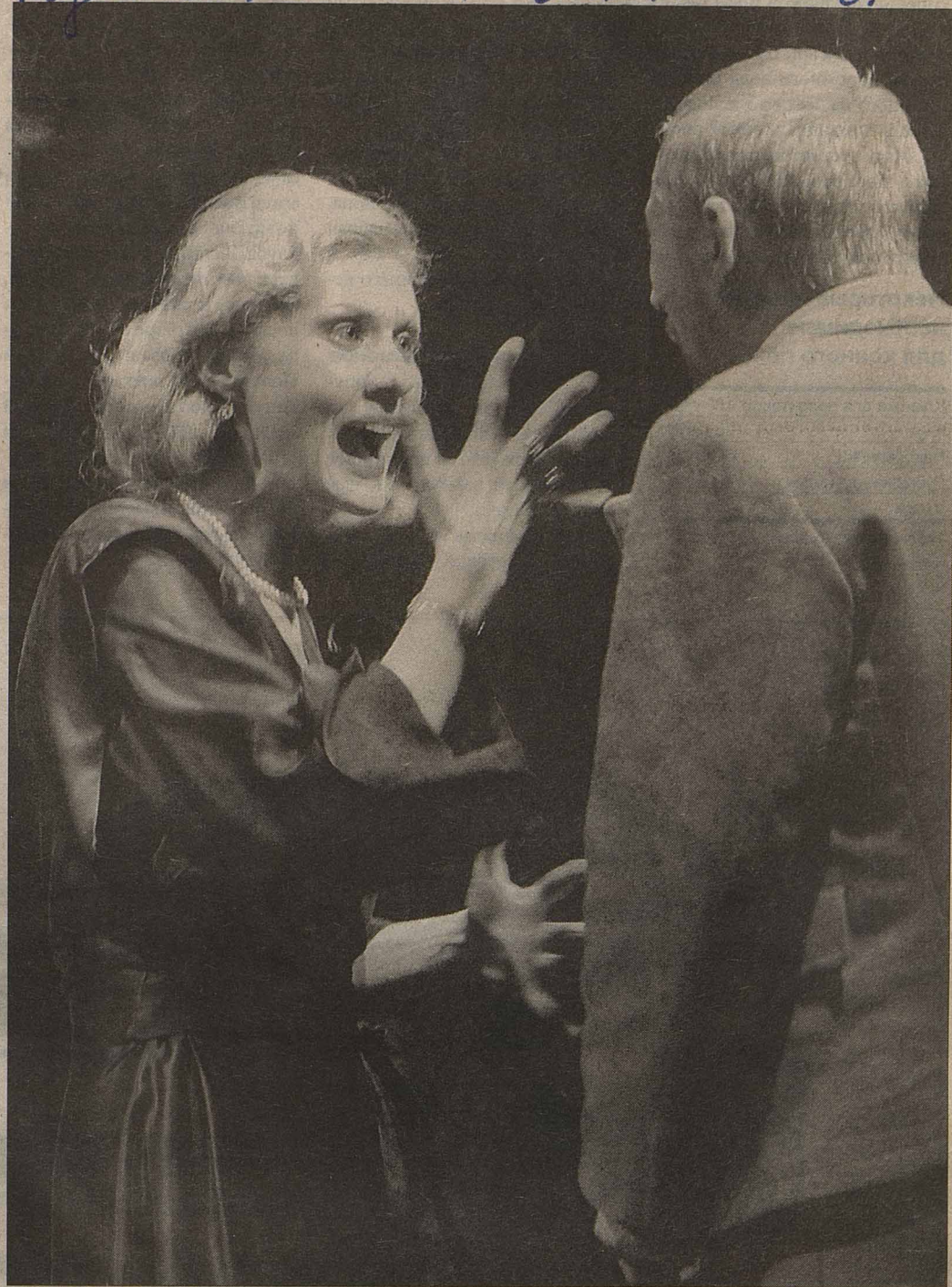
Между тем после критических «выволочек» и скандальных слухов, о которых Литвинова не могла не знать, «героиня» московской тусовки выходила на сцену, нисколько не оробев, но словно бы став еще более собой.

Эта белокурая красавица с резким немецким профилем, эта кино-теле-звезда, отнюдь не похожая на медлительную, загадочную, значительную Марлен Дитрих, о чем неточно написали первые рецензенты; эта театральная «неумеха» – была подвижна и беспокойна. Размахивала тонкими руками; чрезмерной жестикуляцией подкрепляя, «подталкивая» каждое слово. Широким шагом манекенщицы мерила большую сцену чеховского МХАТа – вдоль, вглубь, по диагонали. Заламывала изящные кисти рук. Ослепляла сверканием настоящих бриллиантов, играла браслетом на хрупком запястье. Она говорила специфическим, «носовым» голосом, вкрадчивым и высоким; шептала так, что ничего не было слышно; кричала «белым звуком», по-простецки «акая», проглатывая окончания, нисколько не опасаясь вульгарности.

В спектакле Адольфа Шапиро, «отдельная» среди других, словно бабочка диковинных тонов, она порхала в сумеречном пространстве сцены, тем более заметная, что сцена МХАТа была пуста. Так «сочинил» сценарист Давид Боровский.

Никакого сада и белого весеннего цветения. Никакого дома. Никакого шкафа. «Холодно, холодно, холодно... Пусто, пусто, пусто...» Есть только занавес. Перед ним, закрытым, на узкой полосе авансцены начинают спектакль Лопухин и Дуняша; Епиходов из оркестровой ямы протягивает букет. Смутный шум возвещает о приезде Раневской. Старый Фирс натягивает белые перчатки и, прислонившись головой к мхатовскому символу – аппликации, произносит хрестоматийно известную фразу: «Барыня моя приехала... Дождь! Теперь хоть и помереть...»

Занавес идет. Но этот раз он не открывается, а отворяется. Подвешенный на двух гигантских штангах под колосниками,

Театральная дилетантка Рената Литвинова оказалась самым ярким пятном мхатовского «Вишневого сада». Сцена из спектакля.

Фото Артема Чернова (НГ-фото)

медленно распаивается внутрь сценического пространства – словно ставни гигантского окна после долго перерыва. А в глубине темнеет, густеет пустота – ночи, космоса, бездны. (Из предметного антуража имеются лишь венские стулья да на дальнем плане играет еврейский оркестр.)

Епиходова (Сергей Угрюмов) – в спектакле нет. И Яши (Дмитрий Бродецкий) – тоже нет. Геннально написанных Чеховым, соблазнительных для любого актера. Роль Ани отдана актрисе Анастасии Скорик, а Вари – Екатерине Соломатиной, потому что актрисы молоды? Других причин – не найти. Фирс – в исполнении опытного Владимира Кашпура превратился в маленькую, несущественную роль. Профессиональные актеры играют, как на младших курсах театральных училищ. По чувству и правде, без образов. Но скучен такой Чехова.

Талантливую Евдокию Германову – Шарлотту жаль. Ни слова попросту. Провывает текст. Перекашивает лицо в гримасах. Изламываясь, ходит по невидимому канату. Так что «манерничает» не одна Литвинова, а и Германова тоже.

Имеющий театральное имя, народный артист Андрей Смоляков – Лопухин говорит слова, слова, слова... Тихо и громко, до надсады. Бешено дирижирует оркестром. Ни прошлой, ни будущей судьбы в этом чеховском куще не угадать.

В нынешней огромной труппе МХАТа не нашлось никого, чтобы сыграть Петю Трофимова. Студент Школы-студии Дмитрий Куличков декламирует текст от первого до последнего слова. С большими или меньшими оговорками можно отличить лишь Сергея Дрейдена. Еще один приглашенный артист во МХАТе, петербуржец. Новый Гаев – нервный, капризный, начисто лишенный обаяния.

Рената Литвинова – самое спорное, но и самое яркое, возбуждающее в спектакле. Она даже забавна в своей дерзости, раскованности, свободе – привыкшая к успеху, не знающая сомнений, с лицом немецкой кинозвезды 30-х годов. Ее Раневская недобра. Лишь по инерции произносит нежные слова дочери – «дитюся» или «радость моя»... Сохранила привычку к роскоши. В прежних спектаклях не замечалось, а теперь же знаешь, что в Париж она уезжа-

ет, забрав с собой все бабушкины деньги, присланные Ане.

Мы почти никогда не видели молодых Раневских... Всю историю с любовником в Париже принимали на веру. Эта же – прекрасна. И очевидно – грешна. Ее громкие кульминационные сцены нехороши, визгливы, вульгарны. В лучших, тихих рождается ощущение, что эта театральная «неумеха» – способный человек.

Неизвестно, входило ли это в замысел постановщика, или изумительная сценография, «черный квадрат» в глубине напоминают о конце сущего. В спектакле – без ролей, с одной странной, по чеховским канонам невозможной центральной ролью, – возникает ощущение истощенности, конца, обрыва в пустоту. Обитателей усадьбы. Их эпохи. И чеховских персонажей, от которых из-за плохой игры актеров все чаще остается лишь отзвук знакомых имен. И терпящего неудачу за неудачей нынешнего театра Чехова, на какое-то время, видимо, конченного для нас. И художественного театра, как русского феномена и уника, который вот только что был и уже нет его...